

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ.
Данте. «Божественная комедия»

ЧАСТЬ I

1. ТРИ СТУПЕНИ

10 августа 1982 года Александр Яковлевич Корбах впервые ступил на американскую землю. Пока стоял в огромной очереди к паспортному контролю терминала ПанАм, эта дата все крутилась у него в голове: какой-то в ней был еще дополнительный смысл. И только за контролем, уже возле багажной карусели осенило: день рождения! Каждый год в этот день ему что-то «исполнялось», вот и сейчас что-то исполнилось: сорок два, что ли, нет, сорок три. Думал ли год назад в Крыму, что через год буду отмечать день рождения в нью-йоркском аэропорту! 10.8.82, сорок три года, болит голова от вчерашнего, виза Н-1, в кармане полторы тысячи долларов, три тысячи франков, ничего не испытываю, кроме «самума чувств».

Первая встреча на американской земле оказалась приятной, если не сказать волнующей. Вдруг среди первых прибыл чемодан, выскочил из преисподней, демонстрируя странную подвижность, чтобы не сказать развязность. Склонный к неадекватным размышлениям на не относящиеся к делу темы, Александр думал, глядя на чемодан: вот ведь, затасканный по гастролям чемоданишко, а как-то душевно дорог. Вот ведь, по сути дела, что получается: забили

где-то большое животное, из шкуры сделали в Латвии чемодан, и вот все зверское уже испарилось, чемодан превратился в предмет ностальгии.

Чемодан проехал мимо, столкнулся с индусским тыком, шлепнулся плашмя. На следующем обороте Корбах выхватил свое из чужого и стал пристраиваться к очереди на таможенный досмотр.

На него с высокого стула посматривал таможенный офицер Джим Корбетт. Все прибывающее в США барахло невозможно проверить, однако существует метод выборочного контроля, которым хорошо владеют профессионалы. Специалист таможни читает лица, жесты, любое движение. Потенциальный нарушитель иногда виден издали. Вот этот, например, индивидуум с лысой, хорошо очерченной головой. Трудно классифицируемый индивидуум. Странно передергивает плечами. Впрочем, слишком как-то передергивает плечами. Перевозчик наркотиков так не вздрагивает. Ну, не буду его проверять, пусть проходит эта башка со своими ушами. «Будьте любезны, откройте ваш чемодан, — попросил он вежливо и добавил: — Сэр».

Индивидуум сует бумажку: «Декларэйшн! Декларэйшн!»

Э, да он по-английски не понимает! Джим Корбетт показывает: резкий поворот кистей рук и затем элегантный умеренный подъем ладоней: «Если не возражаете, сэр».

Ничего привлекательного, но и ничего особенно отталкивающего в чемодане не было. Среди пропотевших рубах книга в старинном переплете, большая «D» золотой печатью на томе том. Двойного дна явно нет. Джим Корбетт заглядывает в паспорт. Гош*, этот малый из редких птичек, советский!

* Здесь и далее перевод и комментарии на с. 804. (Примеч. ред.)

— Водка есть? — шутит офицер.

— Только здесь, — шутит в ответ приезжий, хлопывая себя по лбу.

Отличный малый, смеется Корбетт, хорошо бы с ним посидеть в «Tony's».

Как много интересного каждый русский несет в себе, еще несколько минут думал Корбетт, пропуская потенциальных нарушителей без проверки. Страна исключительного порядка, все под контролем, никакого гомосексуализма, как это все там организовано?

Александр Корбах тем временем шагал в толпе ко входу в зияющий тоннель, за которым, собственно говоря, начиналась свободная земля. Тело, только что перелетевшее через океан, быть может, пребывает еще не в полном составе. Быть может, астральные-то нити, чакры-то все эти, иды, пингалы, кундалини не совсем еще совместились из-за несвойственной человеку авиационной скорости. Так думал он не без грустного юмора. Шарканье подошв еще ни о чем не говорит, просто движения бытовых автоматов, желающих в Америку. Должно пройти какое-то время, чтобы все опять запылало страстью.

Впереди вставали перед толпой три ступени, которые казались Александру Яковлевичу тремя уступами разных цветов: один белый, мраморный, второй шершавый, как бы из обгорелого камня и пурпурный до черноты, третий — огненно-алый порфир. Толпа молча втягивалась в тоннель.

Впереди, в конце тоннеля появилась другая, стоящая толпа, встречающие. Над ней уже торчали лампы телесъемки. Держаться сдержанно, сказал себе Корбах. Говорить только по-русски. Никаких унижительных попыток тарабарщины. Простите, господа, ситуация неопределенная. Театр пока существует. Вопрос о моем художественном руководстве подве-

шен в воздухе. Цель приезда — контакты с родственными по духу и стилистике творческими силами Соединенных Штатов.

Ну что ж, пока этот не отталкивающей внешности, вроде Лермонтова, хоть и с Андрея Белого залысынами, ростом 175 сантиметров главный герой подходит к телекамерам, мы, пользуясь романтным пространством, можем слегка размахнуться по его curriculum vitae.

2. CURRICULUM VITAE

В 1982 году советский человек еще понятия не имел, с чем едят эти два плохо выговариваемых слова. Не знал он, конечно, и сокращения CV, которое произносится как «си-ви» и всякий раз напоминает некую сивиллу, то есть предсказательницу будущего. В этом есть некоторый резон, поскольку си-ви, эта смесь анкеты и биографической справки, относясь к прошлому, всегда содержит в себе надежду на благие изменения в дальнейшем. По сути дела, это не что иное, как реклама отдельно взятой личности, сделанная в расчете на то, чтобы купили.

Реклама все-таки не должна обманывать, и поэтому автор в роли кадровика должен сразу открыть, что у героя в его си-ви имелись некоторые неясности, если не двусмысленности. Вот, например, вечно тревожный «пятый пункт» советского жаргона. Во всех документах Александр Яковлевич Корбах значился как еврей, а ведь не всегда он был таковым, должны мы признаться. Не всегда и фамилия его так сильно «ахала» по-ивритски. Да и отчество когда-то звучало приятней для красного уха.

В детстве и в раннем юношестве прогуливался наш друг в роли Саши Ижмайлова, русского мальчика. Был у него и соответствующий отец, Николай

Иванович Ижмайлов, прихрамывающий и опирающийся на массивную палку герой ВОВ, которым Саша, как и полагается, гордился. Со своей стороны Николай Иванович относился к Саше со сдержанной строгостью, которую можно было принять и за сдержанную любовь, и только лишь в сильном подпитии называл его непонятным словом «ублюдок», после чего мама пронзительно кричала: «Умру! Умру!»

Работая в номенклатуре, Николай Иванович повышал жизненный уровень, и его семья, как в народе говорят, горя не знала. В послевоенные годы Саша обогатился братишкой, а потом и сестренкой. Николай Иванович нередко возился в кабинете на коврах со всеми тремя и лишь иногда, обхватив Валерку и Катюшку, горячо шептал: «Родные вы мои», делая ударение на каждом слове.

Это мы сейчас с вами, читатель, можем догадываться, а мальчик тогда не понимал, почему с годами восхищение отцом сменялось у него какой-то неясной настороженностью.

На периферии этого непростого семейства между тем всегда присутствовала бабушка Ирина, которая так звалась вроде бы просто по возрасту, но в то же время и не совсем только по возрасту. Она старалась появляться в те дни, когда Ижмайлов отправлялся в свои ответственные командировки. Привозила Саше сначала игрушки, потом коньки и клюшки, любовно смотрела на него, часами без устали вела беседы то об индейцах Америки, то о водителях фрегатов, то о мировой политической арене.

Бабка была нетипичная. Военврач, она прошла всю войну в полевых госпиталях. Ходила твердым офицерским шагом, в зубах неизменный «Казбек», большие очки приводили всю фигуру к общему знаменателю женщины-выдвиженки. Вдобавок ко всему этому облику все детские годы Саши бабка во-